

Н. И. Барсов

Св. Григорий Богослов как проповедник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н. И. Барсов**
Св. Григорий Богослов как проповедник / Н. И. Барсов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 48 с.

ISBN 978-5-518-05819-4

Из журнала, "Вера и разум", 1886 г., II.

ISBN 978-5-518-05819-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

блаженный Геронимъ говоритъ объ обученіи его краснорѣчію у знаменитаго Полемона въ Смирнѣ. Неизвѣстно, сколько времени пробылъ онъ затѣмъ въ Александріи во время самой горячей борьбы, которую велъ тамъ Аѳанасій съ аріанствомъ; слушавъ здѣсь, можетъ быть, знаменитаго богослова Дидима слѣнца, видѣвъ великаго Антонія и Павла Фивейскаго, онъ, вѣроятно, отсюда же вынесъ замѣтное въ его сочиненіяхъ расположеніе къ философіи Платона, любовь къ Оригену и тотъ горячій энтузіазмъ къ православію, образецъ котораго являлъ для всего міра великій Аѳанасій. Будучи двадцати-четырехъ лѣтъ, Григорій прибылъ въ „обитель наукъ“ Аѳины, гдѣ вмѣстѣ съ Василіемъ изучалъ грамматику, риторику, математику, исторію и философію, имѣя своими главными учителями знаменитыхъ риторовъ Гимерія (315—386 г.) и Проэресія¹⁾. Самымъ основательнымъ образомъ изучивъ классическую науку и литературу, онъ однако не увлекся тѣми похвалами, какими мѣстныя знаменитости науки и краснорѣчія превозносили язычество, и самыя усердныя просьбы многочисленныхъ друзей занять каеэдру краснорѣчія въ томъ самомъ училищѣ, гдѣ онъ былъ ученикомъ, могли удержать его въ Аѳинахъ лишь на самое короткое время, послѣ чего онъ возвратился на родину. Прибывши въ Назіанзъ, Григорій колебался, какой образъ жизни ему избрать—удалиться ли въ уединеніе, или остаться жить въ мірѣ дѣвственникомъ. Въ Александріи онъ, вѣроятно, близко узналъ тотъ и другой образъ жизни, первый (ἄζουφον) въ лицѣ великаго Антонія, второй (μυῦδες) въ

¹⁾ Гимерій былъ родомъ изъ Сиеніи. Онъ былъ язычникъ (почему императоръ Юліанъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ), но всегда относился къ христіанамъ съ умѣренностію и терпимостію. Фотію были извѣстны 71 рѣчь этого ритора, изъ которыхъ въ его «библіотекѣ» сдѣлано 36 выписокъ, а 24 рѣчи его сохранились до нашего времени въ полномъ составѣ и изданы сначала Верведорфомъ (1790 г.), а потомъ Дюбнеромъ (1849 г.). Проэресій былъ христіанинъ, родомъ изъ Арменіи (Сократъ IV, 26, VI, 17). Онъ былъ христіанинъ, почему послѣ извѣстнаго эдикта Юліана долженъ былъ прекратить свое преподаваніе въ Аѳинахъ. Въ надгробии Проэресію Григорій Богословъ говоритъ, что онъ «приводилъ въ потрясеніе весь міръ повородищами рѣчами» (соч. Григорія V, 347). Подробности объ этихъ учителяхъ Григорія см. Любкера, реальный словарь классической древности, переводъ Модестова, 1884—1886, стр. 486.

лицѣ Аванасія. Необходимость не покидать престарѣлыхъ родителей склонила его ко второму образу жизни, и онъ остался въ Назіанзѣ, сдѣлавъ по желанію родителей нѣсколько опытовъ публичнаго свѣтскаго ораторства. Но скоро склонность къ жизни созерцательной побудила его удалиться въ Понтъ въ уединеніе Василія, въ которомъ друзья, ведя самую простую деревенскую жизнь, наслаждались лишь красотою мѣстной природы, занимались молитвою, чтеніемъ св. Писанія и твореній Оригена, изъ экзегетическихъ работъ котораго составили филокалію. Разладъ отца Григорія съ своею паствою, негодовавшей на него за то, что по своей старческой простотѣ онъ подписалъ еретическій символъ, побудилъ Григорія возвратиться въ Назіанзъ, чтобы употребить всѣ мѣры къ водворенію мира между пастыремъ и пасомыми. Едва онъ прибылъ къ отцу, какъ противъ воли былъ посвященъ имъ въ пресвитеры (361 г.). Недовольный такою тиранніею (*τυραννίδα*), весьма обычною въ то время, Григорій снова оставляетъ Назіанзъ и удаляется въ уединеніе къ Василю. Просьбы престарѣлаго отца, а равно и жителей Назіанза побудили его однакожь снова возвратиться. Въ Рождество Христово онъ былъ рукоположенъ въ пресвитера, въ праздникъ Крещенія оставилъ Назіанзъ, а къ Пасхѣ опять былъ уже съ отцомъ.

Между тѣмъ Василій, его другъ и товарищъ по образованію, былъ избранъ въ епископа Кесаріи и немедленно пожелалъ сдѣлать своего друга епископомъ въ одной изъ мѣстностей своей митрополи. Убѣжденный доводами старца-отца, Григорій принялъ, хотя и неохотно („преклонившись главою, не преклонился духомъ“ „иаки на мѣ помазаніе Духа и иаки сѣтуя хожду“, говорилъ Григорій) посвященіе въ епископа Сасимы, мѣстности, бывшей спорною между двумя смежными митрополіями—кесарійской и тіанской; но не будучи въ силахъ справиться съ затрудненіями, какія представляло это бойкое, хотя и незначительное мѣстечко испорченностію правовъ своихъ жителей, а еще больше тѣми непріятностями, какими угрожалъ ему епископъ тіанскій, онъ опять удалился въ уединеніе, изъ котораго впрочемъ вскорѣ возвратился въ Назіанзъ, для того, чтобы быть помощникомъ маститаго старца-отца. Но смерти его

(въ 374 г.) онъ однако отказался быть его преемникомъ и снова удалился въ уединеніе въ Селевкійскій монастырь св. Феклы.

По смерти Валента (378 г.) соборъ антiохійскій пригласилъ Григорія устроить бѣдствующую церковь константинопольскую. Прибывъ въ Константинополь (въ 379 г.), онъ остановился въ домѣ своей племянницы, который и былъ сначала въ это время единственнымъ мѣстомъ православной проповѣди въ Константинополь, а съ обращеніемъ его въ храмъ, названный Анастасіей (т. е. воскресеніемъ, въ знакъ того, что здѣсь какъ бы воскрешено православіе въ Константинополь), единственнымъ мѣстомъ православнаго богослуженія, такъ какъ все прочіе храмы столицы были ранѣе насильно отняты отъ православныхъ Валентомъ въ пользу аріанъ и другихъ еретиковъ. Проповѣди Григорія, особенно „слова о богословіи“, привлекали множество слушателей не только изъ православныхъ, но и изъ еретиковъ, евреевъ и язычниковъ. Но скоро враги православія устроили рядъ бѣдъ для проповѣдника: надъ нимъ смѣялись, въ него бросали камнями, покушались даже на его жизнь; нѣкто Максимъ, имъ благодѣтельствованный, готовилъ его изгнаніе... Но православные тѣсно сплотились около Григорія, признавъ его своимъ епископомъ; число ихъ увеличивалось со дня на день послѣ того, какъ императоръ Феодосій объявилъ себя за православіе и издалъ указъ противъ еретиковъ. Собравшійся въ 381 г. второй вселенскій соборъ, согласно желанію императора, провозгласилъ было Григорія епископомъ столицы; но сначала настойчивое желаніе Григорія видѣть епископомъ антiохійскимъ, на мѣсто скончавшагося во время собора св. Мелетія, Павлина возбудило противъ него неудовольствія; а потомъ прибывшіе въ слѣдъ за тѣмъ на соборъ епископы египетскіе и македонскіе провозгласили переводъ епископа сасимскаго на кафедру Константинополя несогласнымъ съ канонами; наконецъ многіе легодовали на него за то, что велъ самый простой образъ жизни и чуждался обычной столичной роскоши, а еще больше за то, что онъ отказывался дѣйствовать противъ еретиковъ тѣми мѣрами насилія, какими послѣдніе дѣйствовали ранѣе противъ православныхъ, не мстилъ имъ, имѣя къ тому возможность, и усиливался обратить

ихъ къ истинѣ мѣрами кротости и убѣжденія. Тогда Григорій, ради мира церковнаго, рѣшился пожертвовать собой, отрекшись добровольно отъ своей кафедры. Онъ удалился въ Аріанзъ, откуда впрочемъ не переставалъ дѣйствовать ко благу церкви своимъ вліяніемъ чрезъ многочисленныя письма разнымъ лицамъ. Въ это же время онъ написалъ большую часть дошедшихъ до насъ его стихотвореній. Скончался великій борецъ за православіе въ 389 г.

Изъ этого краткаго очерка жизни Григорія можно уже составить понятіе о его характерѣ. Личность идеальная и возвышенная, онъ не былъ созданъ для практической дѣятельности, не обладая ни силою воли, ни энергіей, ни практическимъ умомъ и хладнокровіемъ, качествами столь необходимыми въ это ужасное для церкви время. Едва принявъ священство, онъ убѣгаетъ въ пустыню, едва сдѣлавшись епископомъ, оставляетъ епископію, едва признанный архіепископомъ константинопольскимъ, отрекается отъ избранія; въ томъ, другомъ и третьемъ случаѣ — не будучи въ силахъ совладать съ неблагоприятными условіями, которыя для другого, болѣе практичнаго и съ большею силою воли, не были бы столь непреодолимыми. Самъ Григорій прекрасно опредѣляетъ себя, когда говоритъ ¹⁾ въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ проповѣдей, что его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы, „какъ бы замкнувъ всѣ чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самого себя, безъ крайней пужды не касаясь ничего человѣческаго, бесѣдуя лишь съ самимъ собою и Богомъ, жить превыше видимаго, носить въ себѣ божественные образы, непрестанно дѣлаться чистымъ зеркаломъ Бога, пріобрѣтать къ свѣту свѣтъ, сожителствовать съ ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и возноситься духомъ горѣ“ (I, 20). Не только послѣ тяжелыхъ жизненныхъ неудачъ, но и постоянно ему было присуще желаніе „бѣжать оттуда, гдѣ живутъ люди, поселиться въ пустынѣ и жить хоть со звѣрями, которые вѣрнѣе людей, проводить жизнь безъ слезъ и заботъ, имѣя одно преимущество предъ животными — умъ, вѣдающій Божество“. Сладость религіознаго созерцанія наполняла его душу священнымъ восторгомъ;

¹⁾ Соч. Григорія, ч. I, стр. 20.

углубляться умомъ въ богооткровенныя истины, раскрывать и уяснять ихъ себѣ было для него выше всѣхъ наслажденій. И если его попытки практической дѣятельности въ церкви были болѣе или менѣе неудачны, то здѣсь, въ области богословскаго мышленія, онъ является по истинѣ великимъ, такъ что усвоенное ему еще въ древности названіе „Богослова“, которое до него усвоилось единственно апостолу Іоанну евангелисту, было его истинной характеристикой, дѣломъ сущей справедливости. Руфинъ не преувеличивалъ, когда говорилъ: „Григорій — мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церквамъ І. Христа, показалъ ученію, равное своей жизни. Ничего нѣтъ честнѣе и свѣтлѣе его жизни, извѣстнѣе его краснорѣчія, чище и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія: онъ одинъ таковъ, что о его вѣрѣ не могли спорить и несогласные между собою... Ясный знакъ, что тотъ не держится правой вѣры, кто не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ“¹⁾. Въ частности Григорій при разсужденіяхъ о догматахъ отличается необыкновенною смѣлостію, по замѣчанію проф. Шалфеева, напоминающею смѣлость Оригена (съ тѣмъ различіемъ, что онъ счастливѣе Оригена въ своихъ попыткахъ уяснить возвышеннѣйшіе вопросы богословія и во избѣжаніи мнѣній ошибочныхъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельностью и поразительностію своего богословствованія. Во все, что онъ находилъ въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ отеческихъ, въ мірской учености — онъ вдумывался глубоко, все переработывалъ своею могучею мыслью и усвоилъ до того, что его ученіе, будучи ученіемъ вселенской церкви, есть въ то же время его собственное ученіе, или, лучше, его ученіе становилось учепіемъ церкви, потому что представляло лучшую, вполне вѣрную основнымъ догматамъ церкви интерпретацію ея символовъ. Въ этомъ смыслѣ весьма вѣрно его иногда называли²⁾: Григорій—умъ, *Γρηγόριος ὁ νοῦς*.

¹⁾ Rufini Prolog. in libros Gregorii в изданіи твореній Григорія Billii, t. I, p. 726—727. Также у Мвня, t. XXXV, col. 305. Здѣсь же отзывъ о немъ Василія Великаго («Григорій—уста Христовы»), Θεодора Студита («Григорій—корнеей отцовъ»), Свиды, Симеона Метафраста и др.

²⁾ Василій Кесарійскій (X в.), см. *Bandini*, fasciculus rerum ecclesiasticarum, Florentiae, 1763 г.

Но особенно заслуживаетъ Григорій вниманія, какъ христіанскій проповѣдникъ — *ораторъ*. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ является не только богомудрымъ церковнымъ учителемъ, но и великимъ художникомъ слова, поборникомъ и представителемъ въ проповѣди ораторскаго искусства. Такъ почиталъ себя самъ Григорій, такимъ онъ былъ въ дѣйствительности. „Сей даръ — (даръ слова) приношу я Богу моему, это одно, что осталось у меня, чѣмъ богатъ я, только словомъ владѣю я, какъ служитель Слова; никогда не хотѣлъ бы я пренебрегать этимъ богатствомъ: я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всѣми сокровищами міра. Оно — спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ“ ¹⁾. „Да раздѣлять со мною мое негодованіе, говоритъ Григорій въ словѣ на Юліана, по поводу запрещенія христіанамъ посѣщать языческія риторическія школы, всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Все прочее оставилъ я другимъ, одно удерживаю за собою — искусство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О еслибы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ и люблю я послѣ первѣйшаго, т. е. божественнаго... Если всякаго, какъ говоритъ Пиндаръ, гнететъ своя ноша, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ!“ ²⁾. Эта его особенность — ораторскій характеръ его проповѣди — съ одной стороны является въ немъ, какъ врожденный даръ, съ другой — какъ плодъ его школьнаго образованія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ смотрѣлъ на искусство слова, какъ на одно изъ сильнѣйшихъ средствъ для защиты и распространенія истины. Весь ходъ его школьнаго образованія, какъ мы видѣли, пріуроченъ былъ къ тому, чтобы образовать изъ него оратора. Въ школахъ Кесаріи кашадокійской, какъ и

¹⁾ Слово о мирѣ I, 222.

²⁾ Твор. Григорія I, 155.

Кесаріи палестинской на краснорѣчіе смотрѣли, какъ на главный предметъ обученія; въ Аѳинахъ высшимъ отличіемъ считалось блистать въ ряду риторовъ. Учители и ученики никого такъ не уважали, какъ краснорѣчивыхъ; школьное юношество осыпало своими шаловливыми пасмѣшками тѣхъ, кто не обладалъ талантомъ къ ораторству; предметомъ ихъ школьныхъ состязаній было не что иное, какъ краснорѣчіе, и никто кромѣ одерживавшихъ побѣды въ этихъ состязаніяхъ не пользовался ни честію, ни завистію. Таковъ былъ характеръ этого времени въ направленіи образованія — и Григорій дѣйствительно превзошелъ въ этомъ отношеніи своихъ товарищей, если его принудили, хотя на нѣкоторое время, взять тамъ на себя даже обученіе ораторству. Позднѣйшее его иноческое уединеніе не только не парализовало дальнѣйшее его развитіе въ этомъ направленіи, но и еще содѣйствовало ему, обогативъ его богословскою эрудиціей, чрезъ что его краснорѣчивое слово дѣлалось и содержательнымъ. Знакомство съ экзегетическими работами Оригена и другихъ развило въ немъ способность толкованія слова Божія; вообще же уединеніе развило въ немъ религіозное чувство и силу религіознаго убѣжденія, сказавшуюся искренностію, теплотою, глубокою задушевностію и назидательностію, какія находимъ въ его проповѣдяхъ. Когда обстоятельства вызвали его на дѣятельный проповѣдническій трудъ, ему присуща была та высшая компетентность въ догматическомъ ученіи, какой только можно было желать для побѣды надъ заблужденіями ереси, достойное всякаго уваженія сознаніе своей силы, своего умственного превосходства, самостоятельность и сила духа. А то, чего ему сначала не доставало, именно знаніе человѣческаго сердца и жизни, въ чемъ такъ много превосходилъ его Василій, ему далось мало по малу потомъ, рядомъ тяжелыхъ опытовъ и горькихъ разочарованій, охладившихъ его первоначальный непомерный идеализмъ въ отношеніяхъ къ людямъ. Хотя въ его проповѣдяхъ чаще всего слышится горечь и разочарованіе въ людяхъ, но онѣ нескудны и замѣчаніями, мѣтко характеризующими нравственную сторону современной ему жизни. Справедливое сознаніе своего достоинства и превосходства предъ другими особенно слышится въ его прощальной рѣчи къ константинопольскому собору,

которая вмѣстѣ съ тѣмъ служить и свидѣтельствомъ о характерѣ и достоинствѣ его проповѣди.

Какъ проповѣдникъ, Григорій пользовался высокимъ уваженіемъ еще въ свое время. Еще при его жизни проповѣди его переводились на латинскій языкъ Руфиномъ, отзывъ котораго о Григоріѣ мы привели выше. Иеронимъ, будучи уже пятидесяти лѣтъ, изъ своего сирійскаго уединенія прибылъ въ Константинополь съ нарочитою цѣлію слушать его проповѣди и называлъ его потомъ мужемъ краснорѣчивѣйшимъ, своимъ учителемъ, у котораго научился толкованію св. Писанія—*Gregorius, vir eloquentissimus, praeseptor meus, quo scripturas explanante didici* ¹⁾). Извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ Евагріій былъ ученикомъ Григорія. Всѣ древніе и новые писатели, говоря о Григоріѣ, превозносятъ его похвалами. Эразмъ Роттердамскій ²⁾ первый къ похваламъ за воз-

¹⁾ Каталогъ, глава 117. Также Руфина кн. 1-я: *Quis apud Latinos par sui (Gregorii) est? quo ego magistro glorior et exulto.*

²⁾ Вотъ отзывъ Эразма (*epist. praefixa*, edit. Claudii Chevallonii): *In Gregorio pietas propemodum ex aequo certat cum facundia; sed amat significantes argutias, quas eo difficilius est latine reddere, quod pleraeque sunt in verbis sitae. Tota vero phrasis nonnihil accedit ad structuram Isocraticam. Adde, quod de rebus divinis, quae vix aliis verbis humanis explicari possunt, libenter ac frequenter philosophatur. Basilii suavi quodam et in affectato dictionis fluxu, et pietatem et eruditionem et acumen, sicubi res postulat, et perspicuitatem, et jucunditatem et si quam aliam virtutem in oratore christiano quisquam desiderare possit, complectitur. Chrysostomus Basilii quemadmodum in litteris, sic etiam in professione sincerioris vitae socius, atque (ut ita loquar) Achates, quidquid fere scripsit, ad popularem captum accomodavit, eoque fusior est, ac simplicior, et in locis communibus spatium maluit, quam in difficillimis versari quaestionibus. Hos triumviros utra tulit aetas apud Graecos, pietate paros, nec disparem eruditione, sed dictionis caractere dissimiles. Quos si cum nostris conferre velis, Chrysostomus non dissimilis est Augustino, Gregorius Ambrosio, qui si graece scripsisset, plurimum negotii fuisset exhibiturus interpreti. Quem Basilio conferam nondum invenio, nisi si quis Scripturarum cognitionem quam habuit Hieronymus, cum Lactantii felici facilitate copulet. Me certe avertendo Gregorio semper deterruit dictionis argutia, et rerum sublimitas et allusiones subobscurae. Eam provinciam eximio quodam pietatis ardore sibi sumpsit Bilibaldus noster, cui et immortalis est. Въ другомъ мѣстѣ (*epist. ad Duc. Saxon.*) Эразмъ говоритъ: *me avertendo Gregorio semper deterruit dic-**

вышенность и тонкость мыслей и живость рѣчи присоединяетъ указанія на нѣкоторыя слабыя стороны его проповѣдей—темноту языка, нѣкоторую аффектацію внѣшней ученостію, вообще на нѣкоторый школьный риторизмъ словъ Григорія. Начиная съ V вѣка ученые писали комментаріи на его проповѣди, и, по замѣчанію преосв. Филарета, ни на чьи сочиненія не писано такъ много толкованій, какъ на сочиненія Григорія ¹⁾. Кромѣ Руфинаго перевода сочиненій Григорія на латинскій, извѣстны древніе переводы его словъ сирійскій, арабскій, армянскій. Позднѣйшая оцѣнка Григорія, какъ проповѣдника, сводится къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. Неблагопріятныя тревожныя обстоятельства личной и общецерковной жизни, среди которыхъ Григорій дѣйствовалъ какъ проповѣдникъ, не дали ему возможности сдѣлать ни изъ своего великаго ораторскаго таланта, ни изъ своего превосходнаго образованія всего того употребленія, какого можно было ожидать. Хотя всѣ проповѣди Григорія представляются самымъ тщательнымъ образомъ обработанными, тѣмъ не менѣе въ нихъ нерѣдко слышатся съ одной стороны мотивы неудовлетворенности проповѣдника вмѣстѣ съ нѣкоторою болѣзненною раздражительностію, вызываемые обстоятельствами своей личной жизни и теченіемъ современныхъ церковныхъ дѣлъ, съ другой—нѣкоторыя черты искусственной дѣланности рѣчи, ея риторичности,—въ тѣхъ случаяхъ, когда парализованный чѣмъ либо его ораторскій талантъ бездѣйствовалъ при составленіи проповѣди, а работала лишь одна холодная мысль. По складу своихъ духовныхъ силъ Григорій имѣетъ много родственнаго съ Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Нисскимъ и особенно съ Ефремомъ Сиринскимъ. Подобно послѣднему онъ былъ не только ораторъ, но и поэтъ, что доказывается множествомъ его стихотвореній; отсюда — присутствіе въ

tionis argutia et rerum sublimitas et allusiones subobscurae. Въ praefatio къ сочиненіямъ Василія онъ же замѣчаетъ: argutiarum et externae sapientiae affectatio, dictionisque structura ab Isocratis exemplo non abhorrens nonnihil resipiunt scholam rethoricam.

¹⁾ Историч. ученіе объ отцахъ церкви, § 103, примѣч. 48. Нѣкоторыя изъ этихъ толкованій на сочин. Григорія помѣщены у Мянн. т. XXXVII греческой серіи.

его проповѣди истинно профитійной восторженности и патетизма. Затѣмъ, хотя Григорій какъ психологъ — живописатель душевныхъ состояній и настроеній — не могъ равняться съ Василиемъ, тѣмъ не менѣе и у него много знанія жизни и человѣческаго сердца. Платоновски-философская концепція предметовъ теоретическаго христіанскаго ученія, возвышенность, смѣлость и энергія его богословствующей мысли сближаютъ его съ Григоріемъ Нисскимъ. При совокупности всѣхъ этихъ качествъ онъ, какъ ораторъ, стоитъ, можетъ быть, выше, чѣмъ который либо изъ трехъ его знаменитыхъ современниковъ; по большою частію эти качества проявляются въ его проповѣдяхъ необъединенными до полной цѣльности, не уравновѣшенными цѣлесообразно; поэтому онъ иногда какъ ораторъ является больше поэтомъ, а какъ поэтъ (въ своихъ стихотвореніяхъ) ораторомъ; какъ богословъ-философъ является иногда діалектикомъ, а когда хочетъ явить себя знатокомъ жизни и людей, оказывается инохондрически настроеннымъ. Поэтому полное ораторское совершенство можно признать, говорятъ, лишь за отдѣльными, немалочисленными впрочемъ эпизодами его проповѣдей. Въ этихъ эпизодахъ, которые мы отмѣтимъ ниже, его рѣчь полна истинно ораторской силы и жизненности; мысли слѣдуютъ одна за другою въ быстрыхъ и разнообразныхъ остроумныхъ комбинаціяхъ въ рѣчи обильной и плодovitой; сравненія всегда чрезвычайно удачны и мѣткі, чувства проповѣдника дышатъ истинною и глубокою искренностію, живостію, нецоддѣльною прелестію. Въ дополненіе къ этому нужно указать въ его лучшихъ проповѣдяхъ на отсутствіе амплификацій, которыхъ по видимому такъ трудно было избѣгать, излагая отвлеченные предметы, которые по самому свойству требовали по видимому перифразовъ и повтореній, чтобы быть вполне понятными массѣ, компактную сжатость выраженія, умѣнье немногими словами сказать многое, вообще языкъ классическій — образцовый, языкъ художника слова, который справедливо сравнивали съ языкомъ Пелемона, звучнымъ, какъ олимпійская свирѣль, автобіографическія лирическія изліянія, которыя пріятно разнообразятъ рѣчь и даютъ слушателю отдыхать отъ разсужденій оратора; принимая во вниманіе всѣ эти свойства проповѣдей Григорія, мы легко пой-